ОЛЬГА БАРАНОВА

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ

Ольга Баранова

Параллельные вселенные

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Ольга Баранова, 2026

Фантастика. Тему этой книги мне невзначай предложила моя дочь. Я очень вдохновилась, изучила материал досконально, оказалось, что у этой гипотизы имеется научное подтверждение. Приятного вам чтения, друзья.

12+

ISBN 978-5-0069-8807-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Параллельные вселенные

Это был обычный день. Не предвещало ничего странного. Я ехала в метро и смотрела на свое отражение в стекле.

— Ну привет, моя копия — сказала усмехнувшись я.

Я была немного голого грустная, потому что только что рассталась со своим молодым человеком. С Максимом мы вместе уже давно, но когда я ему сказала что мы расстаемся, он отреагировал холодно и согласился со мной так просто, не уговаривая меня остаться. Я все время думала об этом, была вся мыслях, как вдруг состав резко остановился и все попадало (у кого то сумки, у кого то книги из рук). Вагон сделался, как кисель. Я не понимала что происходит. Двери отворились и я вышла из вагона. Я направилась в парк на лавочку, что бы все хорошо обдумать, так сказать проанализировать.

Впереди себя я увидела нечто невозможное, удивительное — я увидела себя, которая шла с Максимом за руку. У них все было хорошо, они смеялись, о чем то разговаривали.

Вдруг вторая я меня увидела. Она смотрела на меня не с холодными, как у меня глазами, а теплым светящимся взглядом.

— Кто вы? — спросила я

— Я — это ты, а он Максим — ответила копия. — Только я не села в этот вагон и не поехала к нему, чтобы сказать — «мы расстаёмся», а ты поехала.

Мое сердце в этот момент сжалось.

— Ты не должна была нас видеть, это какой то сбой произошел. — сказал копия Максима.

— Да, мы не должны были с тобой пересечься — добавила моя копия

— Я не знаю, сбой или нет, но вы здесь счастливы, а мы... — не договорила я.

Как вдруг моя копия и Максим стали искажаться в моих глазах глазах, все вокруг замерцало.

— Возвращайся быстро в вагон! — сказала моя копия — твой поезд

ещё идет, если ты останешься здесь, все рухнет и мы обе исчезнем.

Мир вокруг меня рассыпался на тысячи осколков, в каждом из них отражалась моя жизнь: в одной из них я говорю да» на свадьбе, в другой — я одна в пустой квартире, в третьей — держу на руках ребенка, а где-то подписываю бумаги о разводе. Миллион исходов, миллион меня, живущих в параллельной реальности. Я очнулась на сиденье в метро. Поезд стоял в туннели и люди шептались о сбоях движения.

Поезд остановился, двери вагона открылись. Я вышла на своей станции.

Я стояла и думала о том, что со мной произошло там, в парке, на скамейке, в той, другой реальности. Думала о той, моей копии и о Максиме. О том, какими они были счастливыми и я не пошла в сторону дома. Я дождалась другой поезд и села в него. Сейчас я направлялась к Максиму, чтоб сказать ему о том, что не хочу ставить точку, а хочу дать еще один шанс нам.

Я приехала к Максиму, позвонила в звонок. Дверь открылась.

— Максим, я.... — успела договорить

Как он обнял меня и прошептал:

— Ты нужна мне, очень, давай никогда не будем расставаться.

Так мы дали нашей любви еще один шанс. На этом наша история не закончилась. Лет через пять мы поженились, еще через два года у нас родилась дочь, а позже и сын. Мы были счастливы.

Интересно, а в других реальностях, как поживают мои копии? Но об этом я не узнаю, если конечно вновь не случится сбой в матрице.

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

Это был художественный рассказ. А вообще вы когда нибудь задумывались над тем, что мы действительно живем в матрице и действительно существуют параллельные вселенные, где живут наши

копии, такие же, как мы, с такой же жизнью, но с разным исходом событий. Только задумайтесь у вас кошка окотилась, а может у вашей копии нет кошки, потому что тогда, на рынке она ее все таки не купила.

Приведу живой пример из моей жизни, реальный случай. Именно он заставил меня задуматься над этим. Когда мне было семь лет мы с папой поехали на речку.

Эта поездка, мне запомнилась на всю жизнь.

Был прекрасный летний день и ничего не предвещало беды.

Я беззаботно игралась, конечно какие могут быть заботы, когда тебе всего семь лет.

— Поехали на речку! — предложил папа.

— Ура! Я научусь плавать! — с восторгом крикнула я.

На речке папа мыл машину, а я барахталась в воде, рядом с берегом.

— Папа, смотри! — время от времени привлекала к себе внимание я.

Папа мыл машину, иногда просматривая за мной.

Вдруг, тишина… Папа оглянулся, меня нигде не было и вдруг он увидел, как от воды исходят пузыри. Он не помня себя, прыгнул в воду и вытащил меня на берег. Когда я пришла в себя, то рассказала, что пыталась выйти из воды на берег, как вдруг нога соскользнула с обрыва и я оказалась под водой.

Всё закончилось благополучно. Немного прядя в себя, после произошедшего, мы с папой вернулись домой.

А вот в какой нибудь из параллельной реальности, моя копия все таки утонула и ее не спас мой папа (копия) и мои родители там до сих пор меня оплакивают.

От этой мысли у меня по коже пробежали мурашки. И я решила углубленно изучить эту гипотезу и оказалось, что у нее есть научное подтверждение.

Конечно нам наверняка не дано знать, есть такое или нет. Но поразмышлять на эту тему, почему бы и нет.

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

Ошибка в коде

Вика ненавидела свои пятницы. Они были обыденными (офис, кофе без сахара, отчеты, взгляд на часы в 18:30, метро, супермаркет

«Магнолия» у дома, гречневая крупа, куриное филе, обезжиренный кефир).

Сегодняшняя пятница не стала исключением. Она стояла в проходе между стеллажами в «Магнолии», тупо глядя на полку с гречкой. Обычная. В пачках. «Аристократ». «Националь». Золотистый, красный, зеленый — дизайн упаковок сливался в однообразную цветовую кашу.

— Простите, вы не могли бы передать вон ту, с краю? — раздался голос справа. — У меня рост не позволяет.

Вика обернулась. И забыла, как дышать.

Рядом стояла девушка. Та же длина каштановых волос, собранных в небрежный пучок. Те же темные глаза с вечно сонными веками. Та же родинка над левой бровью, которую Вика ненавидела с пятнадцати лет. Даже одежда была похожа: (джинсы, белая футболка и легкая ветровка), только у незнакомки ветровка была оливковая, а у Вики — черная.

— Ты?! — вскрикнула Вика.

Девушка подняла бровь. Ту самую. С родинкой.

— Я? — она посмотрела на Вику, потом на гречку, потом снова на Вику. Ее лицо из вежливо-уставшего стало белым, как лист бумаги. — О боже.

Они стояли друг напротив друга, как два зеркала, одно из которых вдруг ожило. Вокруг шуршали пакетами покупатели, орал за кассами ребенок, громко пищала сканером кассирша. А для них мир будто поставили на паузу.

— Это не розыгрыш, — первой пришла в себя Вика. — Я… меня зовут Виктория. Вика.

— Вика, — тихо повторила девушка. — Я тоже Вика.

— Это какая-то ошибка, — Вика сделала шаг назад и наткнулась спиной на стеллаж. Пачка овсянки рухнула на пол с глухим стуком.

— Не ошибка, — незнакомка, вторая Вика, вдруг прищурилась. Ее взгляд стал цепким, изучающим. — Сбой. Наверное.

— Сбой чего?

— Матрицы. Системы. Называй как хочешь.

Вика нервно усмехнулась.

— Ты серьезно? Думаешь, мы живем в матрице?

— А ты думаешь, в природе существуют две женщины с идентичной ДНК, одинаковой родинкой над бровью и вкусом в гречке, которые случайно встречаются в одном магазине в одно и то же время? — вторая Вика говорила спокойно, даже лениво, но в ее глазах горел странный азарт. — Это не близнецы, которых разлучили при рождении. Мы — копии. Две ветки одной программы.

Вика хотела возразить, сказать, что это бред, что она устала и ей пора домой варить эту дурацкую гречку. Но она не могла оторвать взгляд от своего отражения. Отражения, которое дышало.

— Хочешь кофе? — вдруг спросила вторая Вика. — Тут через дорогу есть место. У них отличный вишневый пирог.

— Я не ем пироги, — машинально ответила Вика. — У меня диета.

— Знаю. Я тоже не ем. Но, может, сегодня стоит начать?

В маленькой кофейне напротив «Магнолии» пахло корицей и свободой. Они сели у окна. Вика заказала американо без сахара. Вторая Вика — капучино с сиропом и кусок вишневого пирога.

— Ты пьешь капучино с сиропом? — удивилась Вика.

— А ты разве не хочешь? — отвечала вторая. — Или ты делаешь вид, что тебе нравится черный кофе без ничего, потому что так правильно?

Вика промолчала. Она никогда не задумывалась об этом. Просто пила. Просто жила. Просто варила гречку по пятницам.

— Расскажи о себе, — попросила она.

Вторая Вика отломила кусочек пирога, подержала его на вилке, но в рот не положила.

— Что рассказывать? Я — дизайнер интерьеров. Фриланс. Живу в центре, снимаю студию с большими окнами. У меня есть собака — корги по кличке Шарик. Да, я знаю, что это дурацкое имя. Но он рыжий и смешной.

Вика слушала, и внутри у нее что-то сжималось. Дизайнер интерьеров. Собака. Студия с окнами. Она сама когда-то хотела стать дизайнером. Но мама сказала: «Это несерьезно, иди на экономический, будешь с деньгами». И она пошла. И теперь сидит в отделе планирования и считает чужие бюджеты.

— А у меня нет собаки, — тихо сказала Вика. — У меня аллергия.

— У меня тоже была аллергия, — вторая Вика усмехнулась. — Пока я не решила, что сдохну от скуки быстрее, чем от чихания. Сходила к аллергологу, пропила курс таблеток. Теперь сплю с Шариком в обнимку.

— Но это же опасно. Врачи говорят…

— Врачи говорят то, что написано в инструкции. А я хотела собаку. Понимаешь? Я просто захотела и сделала.

Она наконец отправила пирог в рот. Вика смотрела, как она жует, и чувствовала странное, почти физическое удовольствие. Словно ела

сама.

— А отношения? — спросила Вика.

Вторая Вика помолчала. Отпила капучино, оставляя след пены на верхней губе.

— Были. Один. Три года. Потом я поняла, что мы просто привыкли друг к другу, как два кресла в гостиной. Удобно, но не горит. Разошлись полгода назад. Сейчас никого. Но знаешь… я не боюсь. Потому что я знаю, что если захочу, то встречу. Или не встречу. И это будет мой выбор.

— А я замужем, — сказала Вика и сама удивилась тому, как это прозвучало. Не гордо. А с каким-то странным, вязким сожалением. — Четыре года. У нас ипотека, дача у свекрови, планы на ремонт. Он хороший. Надежный.

— Но?

— Что «но»?

— Я же вижу, — вторая Вика отодвинула тарелку с пирогом. — Ты смотришь на меня так, будто я — окно в витрине, за которым лежит платье, которое ты никогда не купишь. Но платье-то висит. Просто ты боишься войти в магазин.

Вика почувствовала, как к глазам подступают слезы. Это было глупо. Сидеть в кофейне с самой собой и плакать из-за пирога, собаки и свободы.

— Я просто живу правильно, — сказала она дрогнувшим голосом. — У меня все стабильно. Я знаю, что будет завтра, через год, через пять лет. Это же хорошо, правда?

Вторая Вика посмотрела на нее долгим, внимательным взглядом. Потом протянула руку через стол и накрыла ее ладонь своей. Ладонь была теплой. Точно такой же. Но чуть шершавее — наверное, от красок

и чертежей.

— Слушай меня, — сказала она. — Я не знаю, почему произошел этот сбой. Может, Вселенная сломалась. Может, это знак. Но я тебе скажу одну вещь. Там, в твоей реальности, ты каждое утро встаешь и идешь на работу, которую ненавидишь. Ты считаешь калории, потому что муж сказал, что ты поправилась. Ты не заводишь собаку, потому что он не любит шерсть. Ты не ешь пирог, потому что «нельзя». А я — я просыпаюсь и делаю то, что хочу. Не потому, что я крутая или смелая. А потому что я однажды поняла: у нас с тобой одна жизнь. Не две. Одна на двоих. Просто я выбрала свою, а ты — чью-то чужую.

Она убрала руку и откинулась на спинку стула.

— Я не призываю тебя разводиться, бросать работу и бежать за корги. Но посмотри на меня. Я — это ты, которая не побоялась быть собой. И знаешь что? Я счастлива. По-настоящему. Не всегда, не каждый день, но в целом — да. А ты?

Вика сидела молча. В горле стоял ком. Она вдруг остро, физически захотела откусить этот проклятый вишневый пирог, выпить сладкий капучино, погладить рыжего Шарика и проснуться в студии с большими окнами. Но она была здесь. В своей жизни. В своей гречке.

— А если я ничего не изменю? — спросила она.

— Тогда через год ты снова будешь стоять у стеллажа с гречкой и думать о том, как было бы здорово, если бы… — вторая Вика пожала плечами. — И так до бесконечности. Пока система не сотрет нас обеих.

Они допили кофе молча. Вика смотрела на свое отражение в зеркале напротив и не понимала, кто из них настоящий, а кто — глюк. Когда они вышли на улицу, уже стемнело. Зажглись фонари.

— Нам пора, — сказала вторая Вика. — Наверное, сбой исправится сам. Или нет. Я не знаю, как это работает.

Она улыбнулась. И Вика впервые заметила, что улыбка у «той Вики» другая. Не сдержанная, вежливая, как у нее. А открытая, чуть дерзкая, с искоркой.

— Спасибо, — сказала Вика.

— Не за что. Это ты меня благодаришь или себя?

Они разошлись в разные стороны. Вика шла домой, к мужу, к ипотеке, к гречке. Но на полпути она остановилась. Развернулась. И пошла обратно в «Магнолию».

Вместо гречки она купила ризотто с грибами, бутылку красного полусладкого и, поколебавшись, заскочила в кондитерскую за вишневым пирогом. Дома она села на кухне, открыла вино, отрезала огромный кусок пирога и отправила в рот.

Сладко. Вкусно. Грешно.

Телефон завибрировал. Муж: «Задерживаюсь, не жди». Она посмотрела на экран, потом на пирог, потом на пустую квартиру с мебелью из ИКЕА, которую выбирала свекровь.

И вдруг улыбнулась. Так же — открыто, дерзко, с искоркой. Как та, вторая Вика.

Она достала ноутбук, открыла сайт с курсами по дизайну интерьеров и положила палец на кнопку «Записаться». Сердце колотилось как бешеное.

— Черт с ним, — сказала она вслух. — Если сбой повторится, пусть та, другая Вика, увидит меня уже другой.

Она нажала.

А через три месяца в городе открылась маленькая студия дизайна «Вторая ветка». Ее хозяйка с каштановыми волосами и родинкой над

бровью пила капучино с сиропом, гладила рыжего корги по кличке Шарик и не считала калории.

Никто не знал, откуда взялось такое странное название. Сама Вика только загадочно улыбалась и говорила:

— Это напоминание. Что у каждого из нас есть вторая ветка реальности. И иногда, чтобы на нее попасть, достаточно просто сделать один шаг в сторону.

Тот самый шаг, который однажды сделала девушка в оливковой ветровке, стоя у стеллажа с гречкой.

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

Об этом можно размышлять вечно. Делая шаг, думаешь о том, что где-то, там твоя копия тоже сделала этот шаг и какой исход событий произошел у этой копии, остается только гадать.

В моей жизни был случай, когда кость от рыбы попала в дыхательные пути и я едва не задохнулась, я была еще маленькая и меня спасла мама. Интересно, а как этот случай пережила та, другая я?

Или например — когда я упала в яму или за мной гнался маньяк, много случаев из жизни, которые я обошла стороной. Обошла ли их моя копия? Ведь нас миллионы в каждой вселенной и у всех разный исход событий. Вот еще одна история вашему вниманию.

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

Точка невозврата

Алиса проснулась в 6:30, как обычно, от вибрации будильника. Её жизнь была расчитана до секунды: (кофе без сахара, душ ровно семь минут, строгий костюм, метро, офис, отчёты, ужин в одиночестве под тихий шум сериала).

Внешне она была образцом успеха — старший аналитик в крупной корпорации, собственная квартира в центре, идеальная кожа и прическа,

за которой она тщательно следила. Но внутри, поселилась пустота. Она чувствовала себя роботом, который слишком долго работает без перезагрузки. «Я живу правильно», — убеждала она себя, рассматривая в зеркале лифта своё безупречное, но какое-то чужое лицо.

В тот вечер был корпоратив. Скука достигла апогея, когда коллега в сотый раз принялся обсуждать квартальный отчёт. Алиса выскользнула на пожарную лестницу, чтобы просто постоять в тишине. Она спускалась вниз, считая ступени, пока не заметила странное мерцание воздуха между пятым и четвертым этажом. Воздух дрожал, как над раскаленным асфальтом, но в здании было прохладно.

Алиса сделала шаг в эту рябь, просто потому, что ей было всё равно.

Мир перевернулся. На секунду заложило уши, перед глазами вспыхнули цвета, которых не бывает в природе, и она провалилась.

Она упала на колени на ту же самую бетонную площадку, но что-то было не так. Стены здесь были выкрашены не в безликий серый, а в тёплый, живой персиковый цвет. Вместо унылых плафонов аварийного освещения на стенах висели странные светильники из разноцветного стекла, отбрасывающие радужные зайчики.

— Осторожнее, тут третья ступенька шатается, — раздался голос позади.

Голос был её собственным. Алиса резко обернулась.

На верхней ступеньке стояла женщина. Те же карие глаза, тот же разрез губ, тот же шрам над бровью, полученный в детстве на велосипеде. Но это была не Алиса.

На этой женщине были драные джинсы, выцветшая футболка с принтом какой-то панк-группы, а её волосы, которые Алиса каждое утро укладывала в строгий пучок, были коротко острижены и выкрашены в цвет лаванды. В руках она держала глиняную кружку с отбитой ручкой и улыбалась. Широко, открыто, так, как Алиса не улыбалась лет десять.

— Ну привет, сестренка, — сказала двойник. — А я уж думала, ты никогда не решишься сделать этот шаг.

Двойника звали… Алиса. Но для простоты она представилась как Аля.

Они сидели в странной квартире, которая была точной копией той, что принадлежала Алисе в её мире, но выглядела иначе. Всё та же планировка, но стены вместо скучной бежевой краски были расписаны яркими фресками. На кухне вместо стерильной пустоты царил творческий хаос: пахло имбирем и корицей, на подоконнике росла зелень, а холодильник был облеплен магнитами из разных стран.

— Как ты можешь быть мной? — спросила Алиса, сжимая в руках такую же кружку с травяным чаем. — У меня нет татуировок. Я не курю. Я ненавижу беспорядок.

— Это потому что ты так и не нашла то, что любишь, — спокойно ответила Аля, показывая предплечье, где был набит сложный узор из линий электропередач и волн. — Это моя первая татуировка. В нашем мире, когда мне было двадцать пять, я поняла, что если я останусь в корпорации, то умру. Не физически, а внутри. Я уволилась. Пошла учиться на звукорежиссёра.

— Звукорежиссёра? — переспросила Алиса. — У нас нет слуха.

— Есть, — рассмеялась Аля. — Просто нам в детстве мама сказала, что «петь на кухне стыдно», и мы перестали даже пробовать.

Алиса чувствовала себя странно. Она смотрела на эту женщину — смелую, неаккуратную, с облупившимся лаком на ногтях, покрытых типографской краской, и впервые в жизни испытывала жгучую зависть к самой себе.

— Но как ты выживаешь? — спросила Алиса. — Где стабильность? Ипотека? Страховка?

— Я записываю звуки леса для медитативных приложений, — пожала плечами Аля. — Я счастлива. Я просыпаюсь и мне не хочется завыть в подушку. Разве не ради этого всё?

Они гуляли по городу. В этой версии реальности улицы дышали. Вместо безликих стеклянных офисов в старых зданиях работали маленькие мастерские, вместо сетевых кофеен были книжные лавки с собственными крошечными пекарнями. Алиса узнавала свой город, но словно видела его на просвет — там, где в её мире были серые пятна, здесь цвели краски.

Она увидела, как Аля общается с людьми. Её копия не боялась смеяться громко, не боялась проигрывать в настольные игры, не боялась первой подойти и обнять. Алиса заметила, что её двойник не носит маску «идеальной женщины». Она была живой, настоящей, иногда нелепой, но абсолютно цельной.

Поздним вечером они сидели на полу той самой пожарной лестницы, откуда всё началось. Только здесь она была не бетонной клеткой, а уютным балкончиком с фонариками.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — сказала Аля, глядя на звезды. — Ты думаешь, что я везучая. Что мне просто повезло оказаться в этой версии реальности, где всё сложилось.

— Разве нет? — горько усмехнулась Алиса.

— Нет, — твердо ответила Аля. — Точка бифуркации была у нас общей. Помнишь Артёма? Помнишь, как он предлагал переехать в другой город, начать свой бизнес?

— Это было безумие. Бизнес без стартового капитала, в незнакомом городе…

— Это был шанс, — перебила её Аля. — Я согласилась. Мы прогорели три раза. Мы спали на полу в пустой квартире. Он ушёл от меня через

два года. Но именно тогда, на дне, я поняла, что боюсь не ошибок. Я боялась тишины. Той тишины, в которой живёшь ты. Где нет ни риска, ни страсти, ни разбитых чашек. Где всё стерильно, потому что ничего не происходит.

Алиса заплакала. Впервые за много лет она не сдерживалась, не контролировала отёчность лица, не думала о том, что размажет тушь. Она рыдала, уткнувшись в плечо своей копии, которая пахла дымом и корицей.

— Я не знаю, что я люблю, — прошептала Алиса. — Я потеряла себя так давно, что даже не помню, какая я настоящая.

— Ты та, кто сделала шаг в неизвестность, — сказала Аля, обнимая её. — Ты уже здесь. Ты уже выбрала. Остальное — просто громкие звуки, которые тебе нравятся. Ты любишь звук дождя, когда он стучит по крыше. Ты любишь запах типографской краски и свежего хлеба. Ты ненавидишь, когда тебя перебивают, и обожаешь, когда люди говорят правду. Я знаю это не потому, что мы копии. Я знаю это, потому что я позволила себе это узнать.

Утром Алиса проснулась на той же пожарной лестнице в своём мире. Серые стены, запах хлорки, далекий гул офиса. Она лежала на холодном бетоне, и её щека была мокрой от слёз.

Сначала ей показалось, что это был сон. Но в руке она сжимала маленький осколок персиковой краски, осыпавшейся со стены в том мире.

Алиса встала. Она не пошла наверх, в кабинет, где её ждал отчёт. Она спустилась вниз, вышла из здания, села в такси и поехала домой.

Дома она открыла ноутбук. Не для работы. Она открыла сайт музыкальной школы. Нашла курсы звукорежиссуры. Занятия начинаясь через три дня.

Потом она встала, сняла с себя строгий пиджак и повесила его

в шкаф, на самый дальний плечик. Она вынула шпильки из волос, и тяжёлые каштановые волосы упали на плечи. Она встала перед зеркалом, посмотрела на своё отражение и, вспомнив улыбку Алисы с лавандовыми волосами, улыбнулась. Сначала неуверенно, потом шире.

На следующий день она написала заявление об уходе.

Коллеги решили, что она сошла с ума. Начальник угрожал, что она пожалеет. Мама плакала в трубку, причитая о стабильности.

Но впервые в жизни Алиса чувствовала себя не роботом, идущим по проторенной колее, а исследователем, который стоит на краю неизвестного леса.

Год спустя

Алиса сидела на полу своей переделанной квартиры. Стены теперь были не бежевыми, а тёплого персикового цвета. На кухне пахло имбирем, а в углу стояли новые колонки, через которые она слушала записи — свои первые работы.

Она записывала звуки города, леса, голоса уличных музыкантов. Её подкаст о «Звуках тишины» набирал популярность, и люди писали ей, что её работы помогают им справляться с тревогой.

Она больше не носила строгих костюмов. В её волосах появилась тонкая лавандовая прядь — дань уважения той версии себя, которая спасла ей жизнь.

Алиса не стала делать татуировку с линиями электропередач, но на внутренней стороне запястья у неё теперь была тонкая линия — график пульса. Надпись под ним гласила: «Дыши».

Иногда по ночам она подходила к пожарной лестнице в своём подъезде. Мерцания больше не было. Но Алиса знала, что оно ей и не нужно. Потому что та самая смелая, живая и настоящая женщина, которую она встретила в параллельной вселенной, теперь жила не там.

Она жила здесь. Внутри неё.

Главный урок, который она вынесла из того путешествия, был прост: иногда, чтобы найти себя, нужно сначала потеряться. Или встретиться с собой — той, кем ты всегда могла стать, если бы просто разрешила себе быть.

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

Ну вот и все, я думаю пора закончить наше увлекательное путешествие по параллельным вселенным. Тем более, как я уже говорила выше, мы не знаем истину наверняка, а можем только предполагать. Но хотелось бы верить, что в другой реальности наши родные люди живы и здоровы и нашим копиям не приходилось еще испытывать боль утраты. Если они есть, то пусть у них все будет хорошо.

Немного об этом с научной точки зрения.

Введение: что мы ищем?

Когда мы говорим о параллельных вселенных, мы сталкиваемся с парадоксом языка. В обыденной речи «вселенная» означает «всё, что существует». Говорить о «других всё» логически противоречиво. Однако современная физика, особенно космология и квантовая механика, пришла к выводу, что наблюдаемая нами часть реальности может быть лишь крошечным фрагментом гораздо более масштабной структуры. Эту гипотетическую структуру называют мультиверсом. Важно понимать, что разные типы параллельных миров подчиняются разным законам, и переход между ними, если он вообще возможен, потребовал бы управления энергиями, сравнимыми с энергиями первых мгновений после Большого взрыва.

Уровень первый. Лоскутное одеяло бесконечности

Самый консервативный и наименее спекулятивный тип параллельных вселенных вытекает непосредственно из наблюдаемых

свойств нашей Вселенной. Данные космических обсерваторий, таких как Planck и WMAP, с высокой точностью подтвердили, что наша Вселенная плоская, однородна и вероятно, бесконечна в пространственных измерениях. Бесконечность здесь ключевое слово.

Если пространство бесконечно, а количество возможных способов расположения материи в конечном объеме конечно, то конфигурации частиц должны повторяться. Этот принцип аналогичен идее о том, что в бесконечной колоде карт рано или поздно начнут встречаться одинаковые комбинации. Расстояния до таких повторений астрономически велики. Ближайший точный двойник нашей наблюдаемой сферы, согласно расчетам, находится на расстоянии, которое записывается числом со степенью 10^ {10^ {115}} метров. Это не просто большое число, это число, которое невозможно записать в стандартной десятичной системе без использования специальных обозначений.

Как это работает механически.

В ранней Вселенной существовал период экспоненциального расширения, называемый космической инфляцией. Он растянул крошечную квантовую флуктуацию до макроскопических размеров, создав однородную Вселенную, которую мы видим сегодня. Однако квантовая природа этого процесса означала, что в разных, очень удаленных друг от друга областях пространства начальные условия слегка отличались. Поскольку пространство бесконечно, все возможные варианты начальных условий реализуются бесконечное число раз.

Связь с нами.

Мы никогда не сможем увидеть или посетить эти миры не потому, что они находятся в другом измерении, а потому, что они находятся за горизонтом событий. Свет от них не успел дойти до нас за 13.8 миллиардов лет с момента Большого взрыва, а из за ускоряющегося расширения Вселенной (темной энергии) он никогда не сможет этого сделать. Эти вселенные не отделены от нас непроходимой стеной, они просто находятся так далеко, что любое путешествие к ним потребовало бы перемещения со скоростью, превышающей скорость света, что запрещено теорией относительности.

Уровень второй. Вечная инфляция и ландшафт теории струн

Если первый уровень описывает одинаковые вселенные с теми же законами физики, но разными начальными условиями, то второй уровень предполагает существование вселенных с иными физическими законами.

Механизм рождения пузырей.

Представьте себе поле, пронизывающее всё сущее, которое называется инфлатон. В ранней Вселенной это поле находилось в состоянии ложного вакуума, обладая огромной плотностью энергии. Это состояние было нестабильным, подобно перегретой жидкости. В любой момент времени в разных точках этого поля происходили квантовые туннельные переходы. Пузырьки истинного вакуума, в котором энергия поля оказывалась ниже, начинали расширяться со скоростью света. Наш Большой взрыв был именно таким событием: локальным «испарением» участка ложного вакуума.

Однако ключевой момент заключается в том, что процесс инфляции не прекращается глобально. В то время как внутри пузыря рождается вселенная с определенным набором частиц и сил, пространство снаружи продолжает бесконечно раздуваться, порождая всё новые и новые пузыри. Этот процесс бесконечен и вечен в будущее.

Разнообразие законов природы.

В рамках теории струн появилось понятие ландшафта. Оказалось, что уравнения теории струн допускают не одно, а огромное количество решений, порядка 10^ {500} или даже больше. Каждое решение описывает свой вариант вакуума, в котором фундаментальные константы (масса электрона, сила гравитации, количество пространственных измерений) имеют уникальные значения. Когда в процессе вечной инфляции рождается новый пузырь, он «замерзает» в одном из таких состояний. В одной вселенной гравитация может быть настолько сильной, что звезды живут всего несколько тысяч лет, а в другой слабой, что делает невозможным формирование галактик. Мы существуем в той вселенной, где параметры случайно оказались

подходящими для возникновения сложной химии и биологической эволюции. Это называется антропным принципом.

Уровень третий. Квантовая механика и многомировая интерпретация

Этот уровень наиболее популярен в научной фантастике, но его физическая суть часто понимается неверно. Он основан на квантовой механике, теории, описывающей поведение материи на мельчайших масштабах.

Проблема измерения.

В стандартной (копенгагенской) интерпретации квантовой механики частица может находиться в суперпозиции, то есть существовать во множестве состояний одновременно, пока наблюдатель не произведет измерение. В этот момент происходит загадочный «коллапс волновой функции», и частица выбирает одно состояние. Долгое время этот коллапс был слабым местом теории, поскольку не было понятно, что именно считается измерением и почему этот процесс идет по стреле времени.

Решение Хью Эверетта.

В 1957 году физик Хью Эверетт III предложил интерпретацию, которая устраняет понятие коллапса. Согласно его теории, волновая функция никогда не коллапсирует. Вместо этого каждое квантовое взаимодействие, которое обычно называют измерением, приводит к ветвлению реальности. Если частица находится в суперпозиции «спин вверх» и «спин вниз», то при взаимодействии с измерительным прибором Вселенная расщепляется на две ветви. В одной ветви прибор показывает «вверх», и наблюдатель видит этот результат. В другой ветви прибор показывает «вниз», и наблюдатель видит другой результат. Обе ветви одинаково реальны, но с этого момента они эволюционируют независимо, теряя квантовую когерентность.

Почему это не похоже на кино.

В отличие от художественных фильмов, эти миры не существуют где то рядом в виде отдельных измерений, куда можно заглянуть через портал. Они существуют здесь и сейчас, в одном и том же пространстве,

но представляют собой разные компоненты волновой функции. Переход из одной ветви в другую невозможен по той же причине, по которой невозможно «разморозить» яйцо или обратить вспять процесс горения. Это потребовало бы полного обращения стрелы времени и декогеренции, что запрещено вторым началом термодинамики. Каждый квантовый выбор, каждое взаимодействие частиц постоянно создает новые вселенные. Число этих миров растет экспоненциально каждую секунду.

Уровень четвертый. Математический мультиверс

Этот уровень был предложен физиком Максом Тегмарком и является наиболее философским и умозрительным. Он выходит за рамки физики в традиционном понимании, вторгаясь в область оснований математики.

Основной постулат.

Тегмарк предположил, что физическая реальность и математическая структура это не просто две стороны одной медали, а одно и то же. Если математическая структура самосогласована, то есть непротиворечива и логически завершена, она должна существовать физически. Иными словами, математика не описывает реальность, математика и есть реальность.

Чем отличаются эти миры.

На первых трех уровнях миры различались либо начальными условиями (Уровень 1), либо фундаментальными константами (Уровень 2), либо результатами квантовых выборов (Уровень 3). На четвертом уровне миры различаются базовыми уравнениями, на которых построена реальность. Представьте себе мир, который подчиняется не дифференциальным уравнениям, а дискретным алгоритмам, как клеточный автомат. Или мир, где нет понятия времени, а есть только чистая комбинаторика. Или мир, построенный на некоммутативной геометрии. Все эти структуры, если они математически непротиворечивы, согласно гипотезе Тегмарка, существуют так же реально, как наша Вселенная. Наш мир с его четырехмерным пространством временем и Стандартной моделью частиц оказывается лишь одним из бесконечного множества возможных математических

миров.

Возможна ли технология перехода?

Вопрос о практическом перемещении между параллельными вселенными упирается в фундаментальные ограничения.

Кротовые норы.

Общая теория относительности допускает существование кротовых нор, или мостов Эйнштейна Розена, которые в теории могут соединять удаленные области пространства времени, возможно, принадлежащие разным пузырям второго уровня. Однако для того, чтобы такой мост был проходим для материи, необходимо, чтобы его стенки были выстланы экзотической материей с отрицательной плотностью энергии. Мы не знаем, существует ли такая материя в макроскопических количествах. Квантовые эффекты, такие как эффект Казимира, демонстрируют существование отрицательных энергий в микроскопических масштабах, но для стабилизации червоточины размером с человека потребовались бы объемы энергии, сравнимые с энергией целых звезд. Кроме того, существуют теоремы топологической цензуры, которые предполагают, что природа «запрещает» существование таких структур, чтобы сохранить причинность.

Квантовое бессмертие.

Если многомировая интерпретация Эверетта верна, то с точки зрения наблюдателя возможен феномен квантового бессмертия. Сознание наблюдателя не может воспринять те ветви реальности, в которых наблюдатель погиб. Поэтому для субъективного восприятия линия жизни всегда будет продолжаться вдоль тех ветвей, где наблюдатель остается жив. Однако это не является способом перемещения между мирами. Наблюдатель не может по своему желанию перейти в мир, где он стал президентом или выиграл в лотерею, если квантовые события, ведущие к такому исходу, не произошли в его собственной ветви реальности. Это пассивный процесс, а не активная технология.

Заключение

Параллельные вселенные это не выдумка фантастов, а серьезное математическое следствие наших лучших физических теорий. Космология через теорию инфляции предсказывает существование бесконечного числа областей за нашим космическим горизонтом. Квантовая механика в интерпретации Эверетта предсказывает ветвление реальности при каждом измерении. Теория струн предсказывает огромный ландшафт возможных вакуумных состояний. Мы не можем взаимодействовать с этими мирами не потому, что их нет, а потому, что законы физики, по крайней мере в нашем пузыре реальности, ограничивают нас рамками нашего горизонта событий и нашей квантовой ветви. Изучение этих вопросов находится на стыке космологии, квантовой гравитации и философии науки, и именно в этой точке, вероятно, произойдет следующий великий прорыв в нашем понимании реальности.